

Д.Н. МАМИН
СИБИРЯК

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Говорок (Сибирские рассказы)



МАМИН, Дмитрий Наркисович, псевдоним — Д. Сибиряк (известен как Д. Н. Мамин-Сибиряк) (25.X(6.XI).1852, Висимо-Шайтанский завод Верхотурского у. Пермской губ.- 2(15).XI.1912, Петербург) — прозаик, драматург. Родился в семье заводского священника. С 1866 по 1868 г. учился в Екатеринбургском духовном училище, а затем до 1872 г. в Пермской духовной семинарии. В 1872 г. М. едет в Петербург, где поступает на ветеринарное отделение Медико-хирургической академии. В поисках заработка он с 1874 г. ста-

новится репортером, поставляя в газеты отчеты о заседаниях научных обществ, В 1876 г., не кончив курса в академии, М. поступает на юридический факультет Петербургского университета, но через год из-за болезни вынужден вернуться на Урал, где он живет, по большей части в Екатеринбурге, до 1891 г., зарабатывая частными уроками и литературным трудом. В 1891 г. М. переезжает в Петербург. Здесь, а также в Царском Селе под Петербургом он прожил до самой смерти.

Содержание

I.....	.0006
II.....	.0019
III.....	.0032
IV.....	.0045
ПРИМЕЧАНИЯ.....	.0053

Д.Н. Мамин-Сибиряк

Говорок

Что может быть лучше светлого озера, когда оно летним утром все из края в край курится радужным туманом? В глубине синей стеной поднимаются горы, за которыми спрятались Чудские заводы — старый и новый; направо зеленой каймой подошли камыши и заливные луга, а налево шелковой скатертью уходит из глаз башкирская степь. На выдающемся в озеро мысу мохнатой шапкой стоит сосновый бор, а за лугами зелеными пятнами рассажались березняки. На откосе, где песчаный берег уходит в воду, как осиное гнездо, присела к земле своей сотней избушек деревня Кучки. Летом даже эта деревня красива, точно она сушится на своем откосе, а последние избушки совсем подошли к воде и смотрятся в озеро, как в зеркало.

Ранним утром, на самом берегу, из крайней избушки выходил сгорбленный, худенький мужик Матвей, садился в бот и плыл осматривать выкинутые с вечера снасти. Нужно было перекосить все озеро, обогнуть боровой мыс и попасть в курью, где у Матвея

из года в год ловилась рыба. С гор всегда дул ветер, и волна шла к деревне, а в курье всегда затишье и вода точно застыла. Проплывая под мысом, Матвей останавливался у арендаторской избушки, где жил карауливший озеро сторож, и говорил:

— Ну, Ильич, за твоей рыбой поехал...

— А мне какая печаль сделалась?.. Твой грех, твой и ответ...

— Ладно, разговаривай да кланяйся арендателю.

— И то скажу: способу с вами нет. Где же мне одному с целой деревней управиться... Вот начальство выедет, так тогда поговорите.

— И поговорим.

— Мотри, Матвей, не миновать тебе острогу...

— А кто в остроге-то сидит, может, лучше нас с тобой.

Кривой Ильич обыкновенно уходил в свою избушку, а Матвей плыл дальше. "На-ка, арендатель тоже выискался на озеро! — ворчал он, стоя в боту на ногах и ловко загребая воду одноперым веселком. — Этак и житья не будет: земля господская, вода арендаторов..."

Матвей промышлял на озере уже тридцать лет, а тут вдруг его озеро в аренду сдали. Еще надо спросить, чье оно, озеро-то. У арендатора, конечно, денег много, да всего деньгами тоже не укупишь. И вся-то штука в том, что помещику покориться неохота, — вот и сдал озеро.

— Нет, брат, постой... — вслух говорил Матвей, вынимая из воды разную снасть и выбирая запутавшуюся в ней рыбу. — И земля твоя, и озеро твое — нет, погоди. Жирно будет... Еще покойник родитель на озере-то рыбачил, а тут здорово живешь. Нет, ты еще обожди маненько!..

В Матвее много было задорной энергии, выливавшейся в вечных спорах и пререканиях то с соседями, то со старостой, а то просто со своей собственной бабой Авдотьей. Особенно доставалось от него волостным. Староста Маркел иначе не называл Матвея, как язвой: "Ишь, наша-то язва зудит". Сборщики податей боялись его, как огня, потому что уж Матюшка подыщется к чему-нибудь, а потом не развяжешься. Когда поверяли волостные суммы и усчитывали старшину, Матвей был впереди

всех и, жертвуя собственной работой, "достигал" каждую неустойку. Неугомонный мужичонка, одним словом, сидевший в Кучках, как заноза. Даже выбрать его старшиной или старостой было невозможно: первое — бедный человек, второе — дело у него такое, что оторваться нельзя, а третье — не уладит с начальством. В сельское начальство обыкновенно верстают тех, кто в силе и может постоять за себя, или же в наказание — пусть отдувается перед начальством за все общество, а Матвей не подходил ни под какую линию.

— Матюшка у нас, как кривое полено, — говорил старшина Судыгин, — никак ты его не укладешь.

— Ты у меня учись жить-то, Пал Андронич, — отвечал Матвей, встряхивая головой. — Ума у меня против всего опчества много — вот главная причина. Все я могу смозговать... да...

Однообщественники в шутку называли его "козьими рогами", которые, по пословице, ни из короба, ни в короб. Матвей Козьи-Рога сделалось уличным прозвищем. Под этой кличкой знала его вся волость, а дома донимала

жена:

— Ну, заскулили Козьи-Рога...

Соседки давались диву, как это Авдотья живет с таким мужем: ведь он поедом ест бабу — и стала не там, и пошла не этак, и у других-то все не по-нашему.

— А вот он уплывет в курью, так я быдто и передохну без него... — говорила в свое оправдание безответная баба Авдотья. — Ежели бы да он все дома-то сидел — помереть!..

— Что уж и говорить, бабонька: трясухая осина, а не мужик.

Выслушивая эти жалостливые соседские речи, баба Авдотья однажды ответила:

— Да ведь он, Матвей-то, добрый... Так он кажется только, что все скулит. Я ведь его не больно слушаю...

Вся улица хохотала над Авдотьей: вот так нашла добряка! То-то глупая баба! Матвей такую и подобрал себе, чтобы можно было походя ее долбить, — дерево смолевое, а не баба. Конечно, надо и то сказать, что не пьянчуга он и не озорник — это правда, но все-таки душеньку вымотает одними своими наговорами. А баба Авдотья жила да жила, поглощен-

ная своей бесконечной бабьей работой — и дома, и в поле надо поспеть, и огород и скотину доглядеть, а тут еще что ни год, то ребята. На что эти ребята и родятся, когда в дому непокрытая бедность? Рожали бы одни богатые бабы, им есть кем заменитья, а на бедную бабу — чистая напасть с ребятами. Теперь бы вот и с рыбой этой: отстать бы Матвею от озера, а он тягается с арендатором. Конечно, Ахметов — богатеющий человек и затаскает по судам, а Матвей все ему наперекор. Когда помещик сдал Светлое в аренду, другие рыбаки мало-помалу и поотстали, потому где же тягаться с Ахметовым: сегодня кривой Ильич протокол с урядником составит, завтра к мировому, послезавтра на выsidку — тут и рыбе не рад будешь.

Раз летним утром, когда Авдотья, изнемогая от натуги, стирала разное тряпье прямо в озере, с другого конца улицы подошла кучка мужиков. Впереди всех шел Судыгин, плечистый и высокий мужик в красной рубахе, за ним рыжий Маркел и несколько стариков. Когда Авдотья увидела мужиков, у нее сердце так и екнуло от страха перед какой-то неиз-

вестной бедой. Баба была на "тех порах" и едва разогнулась, чтоб поздороваться с мужиками.

— Авдотья, где у тебя Козьи-то Рога? — спрашивал Судыгин ласковым голосом, — богатырь любил баб и теперь с сожалением посмотрел на выпиравший живот Авдотьи.

— А куда ему деться: в избе, поди, валяется... Ночесь только с рыбалки воротился, Пал Андроныч, — ответила Авдотья, немея от страха.

— А ты опять, Авдотьюшка... — еще ласковее сказал Маркел и покачал головой. — Ишь ведь как тебя обмотало всю.

Высыпавшие из избы ребятишки обступили мать и со страхом глядели на переминавшихся мужиков.

— Эй, Матвей, где ты схоронился? — кричал Маркел, подходя к покривившемуся оконцу. — Выходи-ка, милаш, дело до тебя есть...

В окне показалась голова Матвея и недоверчиво поглядела на обступивших завалинку мужиков. Солнце так и светило во все глаза, а от озера наносило кружившим голову паром. Мужики переминались, не зная, с чего

начать. Неестественная ласковость голосов еще более увеличила подозрительность Матвея, и он теперь смотрел в упор на рыжую, окладистую бороду Маркела.

— Насчет озера? — спросил Матвей, стараясь проникнуть в тайный замысел подступившего начальства. — От Ахметова?

Мужики недоверчиво оглянулись на Авдотью: она была лишняя и точно мешала всем своим вздутым животом.

— Входите в избу, — пригласил Матвей, желая сохранить свое достоинство главы дома. — Чего на солнце-то торчать?

Мужики один за другим вошли в избу, стараясь не смотреть на Авдотью, которая проводжала их испуганными глазами. Сознывая свое бабье положение, она пересилила себя, и валек громко захлопал по мокрым тряпицам, отдаваясь на озере гулким эхом, точно хлопала по воде крылатая какая-то деревянная птица. О чем будут мужики говорить с Матвеем? Зачем Судыгин и Маркел так ласково разговаривали с ней, Авдотьей? У бедной бабы кружилась голова, и она еще сильнее колотила свое тряпье, точно хотела выбить из него всю

свою бедность. Оборванные и чумазые ребяташки окружили ее, как спугнутый охотником выводок, и тоже пугливо озирались на избушку. Самый младший даже попробовал было зареветь, но мать пригрозила ему вальком.

А в избе в это время происходила такая сцена.

— Мы к тебе от опчества, Матвей, — заговорил Маркел, степенно разглаживая бороду. — Значит, послужи миру... Допрежь тебя не просили, а теперь невозможно. Прижимка идет большая от Миловзорова...

— Ну?..

— Так уж ты тово... Опять начальство наедет, учнут деревню драть, так вот старички на сходке и порешили: Матвей у нас за словом в карман не полезет — ему и быть в первой голове.

— А ежели я не хочу? — окрысился Матвей.

— А ежели невозможно? — ответил вопросом Судыгин. — Разве ты один в деревне? Всем не сладко приходится. Раньше Ипат выхаживал, а теперь твой черед... Главная при-

чина: невозможно.

Наступила неловкая пауза. Кто-то широко вздохнул. Судыгин машинально оглядывал голые, закоптелые стены избушки, покосившуюся печь, полати — бедность так и глядела из каждой щели, та жуткая бедность, которую во всем объеме в состоянии оценить только опытный глаз.

— Вот избенку надо выправить... — вслух проговорил Маркел невольную мысль Судыгина. — Как же!.. На то и мир.

— А это как? — спрашивал Матвей, указывая в окно на свою бабу с ребятами.

— Опять же мир есть...

Этим вопросом Матвей себя погубил: в нем уже слышалась готовность послужить миру. Он испугался не своей смелости, а поспешности. Как же это так вдруг? Ночесь только вернулся человек с рыбалки, в курье на тычках еще сушатся мережи, а тут за здорово живешь... Матвей вдруг почувствовал себя оторванным от своей избушки, точно он уже не Козьи-Рога, а кто-то другой, и этот другой идет на верную погибель. Страшная жалость вдруг охватила сердце Матвея, и он опять гля-

нул в окно на свою бабу, колотившую вальском, и на столпившихся около нее ребяташек.

— Главная причина — никак невозможно... — подхватил Судыгин, стараясь прогнать напавшее на Матвея сомнение.

— Невозможно? — переспросил тот машинально.

— Мир послал... Я бы и сам, да язык-то у меня, как лопата, — поддерживал Судыгин с фальшивой ласковостью. — Разговору во мне нет настоящего.

Этого было достаточно. Главное объявлено, и все загалдели разом. То, что говорилось раньше между строк, теперь пошло напрямки. Старики размахивали руками и не давали говорить друг другу. Маркел вытирал катившийся по широкому лицу пот. Один Матвей сидел на лавке, свесив голову, как приговоренный. В его мозгу стояла одна мысль: "невозможно".

— Съест нас Миловзоров, — повторял Маркел основную мысль. — Теперь вот наше озеро сдал, а там и до земли доберется... Так я говорю?.. Начальство наедет... Опять будут

оконницы выставлять, крыши сымать со дворов, печки разворачивать, а наше дело правое. Отцы еще здесь жили, и потом правильный у нас ак... Покойник Ипат и скопию выправил с его, с ака-то. Так я говорю?

Авдотья все колотила вальком, когда мужики один за другим начали выходить из избы. Они шли в том же порядке, как и входили.

— Прощай, Авдотьюшка... — ласково проговорил Маркел, поравнявшись с ней. — Эк тебя разнесло... а?.. Ты не нагирайся очень-то, милая.

Баба молчала и, тяжело дыша, смотрела на мужиков остановившимися глазами. Она чувствовала себя такой несчастной, точно ее что придавило. Матвей вышел также за ворота. Он был без шапки, в одной пестрядинной рубаше. Поглядев на свою бабу, на дымившееся под лучами утреннего солнца озеро и на удалявшуюся кучку односельчан, он с подавленным отчаянием махнул рукой; в этом жесте сказалось все, точно он им отмахнулся от всего своего прежнего существования. Это был великий момент, вроде того, как вода, на-

Копившаяся в таинственных недрах земли, прорывает последнюю преграду и вырывается на божий свет. Судьба Матвея была решена.

Чтобы сделать понятным все происходившее в избушке Матвея, мы считаем нужным объяснить историю Кучек.

Происхождение этой деревушки отодвигалось в глубь времен не далее полустолетия. На берегу Светлого озера сначала поставлено было несколько рабочих балаганов, и потом на их месте выросли избы и целый поселок. Делалось все это как-то самой собой, так что даже помещик, на земле которого образовалось новое селение, открыл его уже после эмансипации. Администрация была изумлена не менее помещика: откуда, как, почему появились неведомые люди?.. Объяснением такой странности может служить то, что уральский помещик никогда не бывал в своих владениях, а все дела вершили разные управляющие, доверенные и уполномоченные, как и вообще на Урале. Владелец являлся каким-то мифическим лицом, исчезавшим в неведомых высях, — никто его не видал, кроме управляющего и поверенных. Да и вообще помещичье владение на Урале является ка-

ким-то мифом: есть крупные заводовладельцы, захватившие в свои руки десятки миллионов десятин, а помещики прошли сюда как-то бочком. В Загорском уезде из помещичьих земель образовался целый остров, втиснутый между дачей Чудских заводов и башкирской степью. Их было всего до десятка, и самым крупным являлся тот не известный никому Шмит, на даче которого выросли Кучки. Немец Шмит сделался зауральским помещиком совершенно случайно, именно когда женился на дочери отставного генерал-майора Кереметева и в качестве приданого получил двадцать тысяч десятин земли где-то в неведомых глубинах Зауралья. Генерал-майор Кереметев тоже сделался помещиком по жене и тоже не бывал в своих владениях, как и Шмит, потому что громадное поместье не приносило никакого дохода. Наживались одни управляющие и поверенные. После эмансипации, когда даровой труд отошел в вечность, имение стало приносить даже дефициты, и, кроме того, возникли неожиданные неприятности, вроде открытия неведомой деревни Кучек. Это произошло так: управляю-

ций Миловзоров всучил бывшим крепостным даровой надел, и, когда подошла очередь подписывать уставную грамоту Кучкам, мужики наотрез отказались от всякого надела, потому что считали землю своей. Можно себе представить положение Миловзорова, желавшего выслужиться пред своим мифическим патроном: под самым носом существовала никому не известная деревня, захватившая до полуторы тысячи десятин лучшей земли! Это уже был скандал, и Миловзоров самолично отправился осматривать открытую Америку.

— Когда же эти подлецы успели выстроить целую деревню! — удивлялся он, проезжая по Кучкам.

— Мы вашими помещичьими и не бывали, Аркадий Евгеньч, — заявляли с своей стороны кучковские мужики. — Вы сами по себе, мы сами по себе... Мы еще до генерала здесь жили: отцовская у нас земля.

Миловзорова огорчила такая неблагодарность, но он тут же сделал второе открытие: купец Ахметов с незапамятных времен ловит рыбу в Светлом озере безданно и беспощин-

но, тогда как озеро принадлежит Шмиту. Мало того, Ахметов вперед знал о прибытии Миловзорова в Кучки и встретил его здесь самолично.

— Ушки откушать милости просим, Аркадий Евгеньч, — приглашал купец, держа на отлет свой картуз. — Первый сорт ушка...

— Послушай, братец, что это такое: озеро мое, а ты тут хозяйничаешь? — озлился Миловзоров, знавший Ахметова по преферансу у протопопа Глаголева.

— Помилуйте-с, Аркадий Евгеньч... как можно-с! Еще покойный родитель мой озеро-то кортомили...

— Как кортомили?

— А у мужиков-с... в сам-деле, откушайте ушки, Аркадий Евгеньч!..

— Перестань ты, Ахметов, дурака-то валять... Ведь ты отлично знаешь, что земля и озеро мои, а мужики — бунтовщики. А ты заодно с ними: "покойный родитель"... Я вам покажу не только родителя, а и родительницу!..

Конечно, Ахметов обманывал — никакой кортомы он никому не платил, а просто хотел

пугнуть Миловзорова. Уверенный тон последнего, однако, поколебал его купеческую сноровку, и Ахметов прибавил:

— Сурьезно бы поговорить с вами, Аркадий Евгеньч... Давно это следовает, да все как-то сумлевался я достигнуть вас. А мужики, точно, изрядно землицы прихватили... целая округа.

Они вместе объехали всю захваченную землю, и Миловзоров не мог надивиться: сотни десятин распаханы, леса вырублены, а на карте имения у него все это место покрыто зеленой краской, что, по "объяснению знаков", означало строевой лес. И как это могло случиться?.. А тут шельма Ахметов тоже пристроился и может напакостить. Удивление управляющего перешло всякие границы, когда он самолично убедился, что кучковские мужики действительно никогда и не бывали крепостными Шмита, а набрались сюда со всего Урала — с горных заводов, из других помещичьих имений, с казенных промыслов и т. д. Что же, спрашивается, смотрела администрация? Да-с, администрация, которая должна знать все... Но администрация всегда оста-

навливалась у Миловзорова и пользовалась доставленными им же сведениями. Вот так положение... Если поднять дело, то тот же мифический Шмит скажет: "А где вы, Миловзоров, раньше-то были?" С другой стороны, и администрацию подводить не приходится... Обыкновенным выходом во всех таких недо-разумениях было то, что все прорухи и нелады сваливались на предшествовавшего управляющего, а тут под носом карта имения и зеленое поле, означающее строевой лес.

— Вам бы, Аркадий Евгеньч, хошь бы разок объехать было именье-то... — сожалел Ахметов, хрустя заплывшими пальцами. — В самом деле, объехать бы, то есть раньше бы объехать... В самую бы точку вышло.

— После свадьбы-то всяк тысяцкий... Черт его знал, что тут целая деревня стоит! Не сам же я ее выстроил... Ну, положение!

Нужно отдать справедливость, что Миловзоров горячо принялся за дело, выкупая свою прежнюю небрежность. Он открыл еще две спорных межи в имении: одну с Чудскими заводами, другую с башкирами. Но это были пустяки. Бельмом на глазу у него сидела

самовольная и самозванная деревня, врезавшаяся в центр имения. Нужно было повести дело умненько, исподволь, посоветовавшись с знающими людьми. На поверку оказалось, что кучковские мужики тоже хлопочут в Загорье и как раз подведут какую-нибудь каверзу, а впереди новые суды.

— Вот что, Ахметов: ты будешь моим арендатором на озеро, — заявил Миловзоров после таинственных совещаний с нужными людьми, — и напишем так условие: "По примеру прошлых лет, я, нижеподписавшийся, арендую Светлое озеро у штабс-капитана Шмита на следующих условиях"... Понял?

— Понимаем-с... Только я, Аркадий Евгеньич, рыбную часть брошу. Ей-богу-с...хлопотливое дело, а мы тут стоношим заводишко винный. Это будет не в пример способнее. А озер-то по Зауралью, слава богу, весьма достаточно.

Пришлось уламывать прожженного человека и ему же платить за аренду, да еще на свой счет содержать на озере сторожа: все это устраивалось, чтобы прервать "течение земской давности". Вообще, стоило громадных

усилий, чтобы всему делу придать известное положение и ввести его в оглобли до новых судов. Миловзоров лез из кожи, потому что защищал в этом деле самого себя. Кучки тоже не дремали. Мужики собрали денег, послали ходоков, и каша заварилась. На сцену появился какой-то таинственный "ак", по которому захваченная земля оказалась родовой собственностью не менее мифических Иванов и Сидоров, чем генерал Кереметев и штабс-капитан Шмит. Реальная деревня Кучки вступила в отчаянную борьбу с мифическим помещиком, земную тень которого составлял Миловзоров. Неопытные в кляузах и юридических тонкостях мужики положились главным образом на свой "ак", что было на руку Миловзорову: беспрепятственное владение землей в течение тридцати лет стусеивалось. Явилась на место действия администрация, явились сопротивление властям, протоколы, предварительная высидка ходоков — одним словом, дело пошло вперед полным ходом. Миловзоров торжествовал, пользуясь оплошностью противной стороны.

В этой стадии дела самым тяжелым для Ку-

чек было то, что в одно прекрасное утро явилась власть и потребовала очистить место. Кучковцы оказали отчаянное сопротивление, ухватившись за родное пепелище с энергией утопающего человека. Собственно говоря, сопротивление выразилось в самой пассивной форме — в нежелании оставлять насиженное место. С своей стороны, власть тоже употребляла кроткие меры: разбирала крыши, выставляла окна, ломала печи в избах и водворяла на место жительства самовольных поселщиков. Кучки представляли самую жалкую картину разрушения: мужики разбежались, а оставались одни ревелившие бабы с ребятами да ополоумевшая от разора скотина. Но стоило начальству отвернуться, как "выдворенные" являлись на старое место, и Кучки быстро реставрировались. Жертвой этого разгрома явился знаменитый ходок Ипат, забранный властью в качестве вещественного доказательства. Нужно ухватить видимую причину беспорядков, живое доказательство затраченной энергии, — и ходок пошел по обычным в таких случаях мытарствам.

— Наше дело правое... — твердил Ипат вез-

де. — Вся прижимка от Аркадия Евгеньча. Еще родители жили...

За энергичную деятельность и усердие Миловзоров получил "отличную благодарность" и праздновал полную победу. Но пораженно-го по всем пунктам неприятеля нужно было еще взять, а тут новый губернатор, новые суды и вообще усложняющие дело обстоятельства. Земские налоги подорвали окончательно экономическую правоспособность мифического зауральского помещика, и он очутился в разряде неплательщиков. Земля лежала совершенно непроизводительно; выпущенные на даровой надел крестьяне бедствовали, и единственной доходной статьёй являлся недействовавший винокуренный завод, выстроенный Миловзоровым с единственной целью получить отступное с Ахметова и Ко. Легендарный "ак" выплыл с новой силой и пошел гулять по новым судам, а Миловзоров донимал врага мелкими исками о самовольных порубках, потравах и т. д. Эта партизанская война оказалась для Кучек горше недавнего одоления, потому что в самую горячую рабочую пору вырывала сотни поденщин и

штрафы. Нашелся какой-то адвокат, который взялся вести дело кучковских мужиков, и этот процесс тянул из них жилы. Нужно было много стойкости и веры в свою правоту, чтобы выдерживать такую неравную борьбу. В решительный момент, когда нужно было отправляться в город, дело остановилось за ходяком. Старый Ипат, ходивший по делу лет двадцать и обтерпевшийся в своих мытарствах, умер года три тому назад. Он едва дотащился до родного пепелища, большой неопределенной мужицкой болезнью, когда человек "весь неможет", и умер через два дня. В нем Кучки потеряли неутомимого заступника и радателя, который безропотно шел всюду, куда было нужно. Никто в Кучках не удивлялся подвигу этого Ипата, как и он сам: так было нужно. Если бы Ипат не пошел, за него пошел бы другой, а не другой, так третий. Есть вещи и положения сильнее каждой отдельной личности. Именно в таком положении очутился Матвей Козьи-Рога в то роковое утро, когда к нему явилась депутация односельчан.

— Надо собираться... — коротко и глухо проговорил он жене, не объясняя, куда и за-

чем собираться.

По своей бабьей приниженности Авдотья не спросила его, куда он уходит и по какому делу. Она только чуяла своим бабьим сердцем какую-то неминуемую беду, надвинувшуюся вдруг. Сборы Матвея были недолгие: новые штаны и рубаха, старый зипун да котомка — и весь тут. Обряжая мужа во все лучшее, точно она готовила его к принятию какого-то таинства, Авдотья не плакала, не жаловалась и не стонала: так нужно... Она это чувствовала, простая деревенская баба: дешевым бабьим слезам еще будет время, а теперь нужно думать о другом. Безответность и бабья покорность Авдотьи тронули Матвея больше всяких слез и причитаний. Эх, славная баба эта Авдотья, да и ребятишек жаль, ну, да ничего не поделаешь!

— Ну, даст бог, вернусь... — хмуро проговорил Матвей жене на прощание. — Мотри, соблюдай ребятенка, а ежели коли что... ну, к Пал Андронычу в правую ногу: не оставит.

Авдотья убежала в избу, чтобы спрятать свои непрошеные слезы, а Матвей опять махнул рукой и зашагал к избе Маркела, где его

ждали волостные старики с последними советами и наставлениями. А через час он уже шагал по проселку к городскому тракту, помахивая длинной палкой, с какими по всей Руси расхаживают странники, богомольцы, нищие и всякие другие божьи люди. Выйдя за околицу, Матвей остановился, поглядел на Светлое озеро, на свою деревушку, отыскал глазами знакомую крышу и еще раз удивился: третьего дня он вон там в курье выметывал мережи, а сегодня идет куда-то в неведомую даль.

— Никак невозможно!.. — вслух проговорил он и зашагал с усиленной скоростью, точно хотел уйти от схвативших за сердце дум.

Прошло лето, прошла осень, зима, а о Матвее ни слуху ни духу. Как в воду канул! Авдотья несколько раз "посыкалась" добиться от односельчан, куда задевался муж, но старички только мычали, чесали в затылках и бормотали что-то совсем несообразное, — надо же было как-нибудь отвязаться от пристававшей с ножом к горлу бабенки. Правда, помощью ее не оставляли — то хлебом, то деньгами, то дровами. Но это была обязательная помощь, которую Авдотья принимала только в крайнем случае.

— Ежели тебе что надо будет, Авдотьюшка, так ты только мигани... — повторял каждый раз Маркел. — Обязанность свою весьма даже чувствуем.

— Есть у меня все, слава богу...

— Ну, то-то. Мотри, соблюдай ребятенка, чтобы, значит, Матвей на нас опосля не судачил.

Авдотья низко кланялась и уходила в свою мурью. Пользоваться мирской помощью она вообще стеснялась. Матвей — гордый чело-

век, не любил кланяться. Вот по соседству — другое дело: кто молочка ребятам принесет, кто дровец приволокет, кто что — все же свои люди. Раз, зимой, в самый лютый мороз, при- тащился с курьи кривой Ильич и привез с собой целый мешок рыбы.

— Это я тебе гостинец... — довольно сурово проговорил сторож, смущенный собственной нежностью. — Ребята-то привыкли к рыбе, когда отец был.

— А как я с тобой рассчитывать буду... — смутилась, в свою очередь, Авдотья.

— Да никак... Не стало ее, что ли, в озере, рыбы-то! Слава богу, вполне даже достаточно... Мы хоть и вздорили с Матвеем, а рыба тут не виновата. Я как, значит, обвязался Ахметову, ну, а он опять отступаться не хотел... Да и то сказать: свет я увидал без Матвея-то. Лежу себе в избушке и знать ничего не хочу. Помещик — помещикам... А то Матвей-то все у меня, как бельмо на глазу, сидел. Грешным делом, дирались мы с ним не одна...

Этот подарок заставил Авдотью прореветь целую ночь. Первый враг Матвея, и тот помянул его добрым словом, точно покойника... Да

и рыба напомнила ей про мужа. Где-то он теперь, Матвей?.. Уж жив ли, а не то сидит где-нибудь за семью замками. Ребятишки малешеньки, неемысленны, а и те нет-нет да и припомнят тятьку.

Кривой Ильич действительно был доволен больше всех невольным отсутствием Матвея, хотя это слишком эгоистическое чувство и претило ему. Нехорошо радоваться чужому безвременью. Конечно, Матвей пошел своей волей, ну, а все-таки не за себя пошел, а за мир. Станный был этот Ильич, с детства живший в лесу. Он служил на соймах у арендаторов, лесником, сторожем, и совсем свыкся с лесной тишью. Несоразмерно длинная, сторбленная спина, кривые, короткие ноги, длинные руки и лохматая голова делали его похожим на медведя. Зимой и летом Ильич ходил без шапки. Такой уж родился несообразный человек: в лесу ему и жить. Избушка, поставленная на мысу, была поставлена, как казалось, на живую нитку, но в ней было тепло, а это — главное. Сбитая из глины, широкая русская печь держала в себе жар по неделе. Всю жизнь Ильич провел бобылем, а под ста-

рость, чтобы не скучно было, обзавелся петушком и курочкой. Прежде спал Ильич, как убитый: стемнело — лег, забрезжилось — встал. Какая ночь, такой и сон, а под старость не стало прежнего сна: то ноги заноят, то поясницу ломит. Ворочается, ворочается Ильич на своей печке, а кругом темь стоит, хоть глаз выколи. Вот и завел старик петушка с молодой, потому все-таки ночью петушок вспоет, и сторож знает, какой час на дворе. По весне наладит курочка яичек, выведет гнездо, и пойдет у Ильича настоящее хозяйство. Петушок с молодой жили под печкой. Была еще у Ильича собака Белка, такая же лохматая и кривоногая, как хозяин; у нее даже и глаз был кривой, тоже как у хозяйина. Славная прежде была собака, а теперь годы ушли — лежит себе под лавкой день и ночь и чуть брехает на волков или когда бродяжки подойдут к избушке. В подполье проживали ужи. Свистнет Ильич, и поползут молоко пить.

По своему общественному положению Ильич был озерной сторож, а в действительности он проживал так, изо дня в день. Жалованья ему никто не платил, хотя и была ряда

с Ахметовым. Разбогател, раздулся Ахметов и слышать ничего не хочет о жалованье. Придет к нему Ильич в Чудской завод и начнет просить хлеба, а купец примется ругаться:

— Какой тебе хлеб, старому черту? Задарма проедаешься на озере... Рыбу я не ловлю. Ступай, выправляй жалованье с Миловзорова...

— Ты арендатель-то, с тобой ряда была... Вот лопать [1] обносила, сапоги развалились, то-се... И то кучковские мужики посыкались осенью убить, зачем рыбу препятствую ловить.

— Бродяг хлебом кормишь, старый черт! — ругается Ахметов.

Ильич смолчал: было дело. Да и как не дать бродяжке, когда хуже волка человек придет. Ахметов все знает, прожженная душа... Но сколько ни ругается, а все-таки велит отпустить муки, заваливающие сапоги выкинет, одежонку и еще раз обругает. Вот и все жалованье. Пробовал Ильич толкнуться к Миловзорову, но тот так затопал на него ногами, так заорал и еще хотел в кутузку посадить — хуже собаки. Уйти с озера Ильичу было неку-

да: крестьянская работа не под силу, да и привык он к своему лесному житью. Сам большой, сам меньшей в избушке своей. Конечно, зимой скучно бывает, а пройдет зима, и точно праздник какой откроется. Вспухнет и радуется лед на озере, по лесу пойдут проталинки, выступит вода в низких местах, нальется почка, а потом, когда вскроется лед, пролетит птица. Много ее летит по весне с полудня и, стоя за стаей, отдыхает на Светлом озере. Гуси, лебеди, утки, чайки — стоном стон стоит на воде. Много озер по Зауралью, и весной везде тьма-тьмущая дикой божьей птицы; заходит рыба в воде, начнет икру метать по затонам и мелким речонкам, а в ясные дни по озеру пул идет: рыба мечется. А тут уж первые цветики пошли по лесу, зазеленела травка, пахарь выехал в поле... Все это видит Ильич — видит и радуется, и славит бога: у бога всего много.

Лежал таким образом! Ильич весенней ночью в своей избушке и совсем начал засыпать, как Белка ни с того ни с сего заворчала и брехнула.

— Цыц ты, кривая ерѣхта! — обругал ее

вслух Ильич. Собака повиляла хвостом и опять брехнула. По лаю Ильич знал, что к избушке человек подходит. Кому бы быть о такую пору? Бродяжки идут по осени — разве заблудился кто? Слез Ильич с печи, вышел из избушки — действительно человек подходит и палочкой помахивает. Выскочила Белка и бросилась навстречу.

— Кто, крещеный? — спросил Ильич, разглядывая темную человеческую фигуру.

— Так, заплутался...

— Ты бы подальше плутал-то, а то возьму орясину...

— Буде, Ильич... ну тебя.

Голос знакомый, и Белка унялась. Только хвостом виляет, тварь — узнала кого-то, подлая.

— Не угадал, что ли? — спрашивает знакомый голос. — Матвей из Кучек.

— Нно-о?!.

Ильич вдруг чего-то испугался и бросился в избу вздуть огня. Матвей вошел за ним, перекрестился в передний угол, сел на лавку к столу и молчит, а Ильич стоит с зажженной лучиной и смотрит на него.

— Откедова путь держишь, Матвей? — спросил наконец старик.

— Издалече будет... Отсюда не видать.

— Пошто мимо деревню-то свою обошел?

— А ее рука мимо. По волчьему паспорту, значит. Убег я из острогу... К озеру потянуло — вот и пришел поглядеть. Ох, моченьки моей не стало... тошнехонько!

— Ах, Матвей, Матвей...

— Ну ладно. Ежели опасаясь — уйду.

— Да куда уйдешь-то, голова с мозгом?

— А в лес... Небось, места в лесу всем хватит.

— Да ты, поди, поесть хочешь?..

— А не знаю... два дня не едал, пожалуй, отвык. Ну, что Авдотья моя?..

— Ничего, живет... Славная баба.

Поел Матвей и сейчас же заснул, точно его гвоздями приколотили к лавке, а Ильич проворочался до самого света. Вот так гостя господь послал... Да не надумал ли чего Козьи-Рога?.. Пока бродяга спал, Ильич осмотрел снасти и навез рыбы. А Матвей уж встал и смотрит на него с берега, как он в боту по камышам ездит.

— Вот что, Ильич, спасибо тебе на добром слове, а я того... — заговорил Матвей, глядя в сторону. — Не хочу тебя под ответ подводить. Еще начальство присыкнется к тебе, того гляди...

— Перестань... Места не просидишь, а там и уйдешь, когда следоват.

Одежонка на Матвее была плохонькая, на ногах лапти, да и сам он сильно исхудал, пожелтел, оброс диким волосом и поседел. Долго, видно, сердяга, в остроге высидел. Напоил его, накормил Ильич, а спросить про дело не смеет: как бы не обидеть человека. Как раз по напряженному месту попадешь... Матвей ничего не говорил до вечера, а потом уже все об-сказал.

— Доходил до самого... — глухо начал он. — До Шмита до этого... В Питере был. Агротмаднеющий город...

— Ишь ты, куды махнул!

— Было дело... Сперва-то я в Загорье управлял дело. Ну, вижу, пользы мало: тот одно скажет, другой — другое... Путают, а дело наше правильное. Ну, я в Питер. Достиг и самого Шмита... Думаю, человек ведь тоже, по-

жалеет. Целую деревню зорят, а ему что: плюнуть! Все одно земля-то так же пустеет, а вся прижимка от Миловзорова. Ну, и достиг...

— И обсказал?

— Все, как на ладонке выложил... Разве это порядок: у Чудских заводов пятьсот тыщ земли пустует, в орде, может, не один мильонт ее тоже задарма лежит, а тут еще двадцать тыщ у Шмита и тоже зря — Миловзоров, мол, зайцев гоняет. Выискалась, мол, всего-навсего одна деревнюшка, произошла она горбом, опалась, обсеялась — ну, зачем зорить?.. В жалость хотел его привести: бабы, говорю, ребятенки малые... Разор, говорю, и вам и нам, ежели мы будем еще дальше тягаться. Все ничего, выслушал, а как я помянул про ак... ну, по этапу меня и предоставили в Загорье, а там в острог. В остроге-то, как своего, приняли: "говорка привели", — кричат рестанты. Конечно, ихнее дело привычное, как присмотрелись, значит, они ко всякому народу и всех ходоков говорками зовут. Цельную зиму я высидел, а как подошла весна, как ударила оттепель, — ну, не вытерпел... Всего-то оставалось с месяц досидеть. Тошно стало... чуть

рук на себя не наложил...

— Досидел бы лучше, Матвей.

— А ежели тошно мне?..

Матвей поселился опять в своей курье, тщательно избегая всякой встречи с односельчанами. Два раза ночью он на боту переплывал озеро, обходил свою избушку, но войти в нее не смел: Авдотья испугается и перебудит ребят. Одна собака Жучка узнала хозяйина и подползла к нему, из покорности, на брюхе. Раньше Матвей совсем не замечал эту собачонку, которую щенком притащили откуда-то ребятишки, а теперь он обласкал ее со слезами на глазах, как родного человека. Во второй раз собака уже дожидалась его на берегу и бросилась под ноги с радостным визгом. У него захватило дух от прилива нежных чувств, но и на этот раз он не решился войти в избу. Увидал он жену только в следующий раз, когда она выглянула в окошко, чтобы посмотреть, кто это бродит около избы.

— Зачем ты ушел без спросу? — повторяла Авдотья в сотый раз и ломала в отчаянии руки. — Засудят тебя... ох, горемычная моя головушка, пропали мы все!

— А ты молчи и никому виду не подавай... Лошадка-то в поле, видно?..

— В ночное угнали... Телочку без тебя принесла Пестрянка... ярочку одну волк зарезал... у Марфушки огневица зимой прикинулась... Матвеюшка, родимый, поди ты по начальству и объявись — может, лучше будет.

Матвей молчал, как пришибленный. Раньше было тяжело, а теперь вдвое. Приходилось скрываться от людей, как лесному зверю. Эх, если бы не жена да не ребятишки, ушел бы на Кукань, где земля вольная и паспортов не спрашивают, — все равно пропадать! Сидя в остроге, он произошел в тонкости всю острожную географию. Но другим было все равно, куда ни идти, а его неудержимо тянуло домой, к Светлому озеру.

Почти каждую ночь стал ездить Матвей к жене, надрывая свою и ее душу. Он теперь уже знал все, что делалось в Кучках. Односельчане не оставляли своих хлопот, и вместо него ходокон ушел брат рыжего старосты Маркела. Нельзя, нужно идти... А Миловзоров грозился пуще прежнего и обещает разметать все избы по бревнышку, так что крестьяне

прозвали его Мамаем. В случае чего кучковцы грозились прогнать его кольями из деревни. Дело принимало скверный оборот.

— За что же это напасть такая? — удивлялся Матвей, беседуя по вечерам с Ильичом у огонька. — Ведь живут же другие люди на белом свете... Крутом такая тьма земли, а нам места нет. Найдем же и мы правду...

На себя Матвей смотрел, как на обреченного, и не рассуждал, зачем и почему: так нужно! Но его удивляла бессмыслица окружающей обстановки. Земли пустуют на сотни верст, а их гонят от своей работы. Неужели один Миловзоров на свете будет жить?

Однажды, когда Матвей сидел таким образом с Ильичом у огонька, его схватили.

— Хоть бы до осени дали погулять... — простонал говорок, не пытаясь сопротивляться. — Ильича-то не троньте. Мой грех — мой и ответ.

IV

Возвращенный в тюрьму, Матвей как-то совсем потерялся, замолк и начал сторониться от других. Любимым его местом было окно — встанет и омотрит сквозь железный переплет на клочок неба, а сам шепчет: "Эх, до осени бы!" Его душу охватывала смертная тоска. Ночами являлся бред. Матвей вскакивал, оглядывал окружающую его тьму и тихо-тихо плакал. Каждую ночь, как желанный гость, к нему приходил все один и тот же сон: он видел свое Светлое озеро, Кучки, курью, где тридцать лет ловил рыбу, свою избушку, балаган Ильича. Недалекое прошлое заволакивалось для него таким радужным туманом. Днем иногда перед ним с такой яркостью вставала какая-нибудь своя деревенская забота, что он несколько времени совсем не видел окружающего.

— Эй, говорок, очумел!

Арестанты от нечего делать часто потешались над Матвеем с его неумолкавшей тоской по родине и ждали, когда он опять уйдет. Такие молчаливые и скромные арестанты для

тюремного начальства были чистым наказанием: за ними приходилось смотреть в десять глаз. И сам Матвей отлично знал, что он уйдет, и выжидал свое время. Осторожные юристы вперед объяснили, что его ожидает: за "бунт" его сошлют на поселение, а за побег не миновать каторги.

— Кому что господь пошлет, — повторял Матвей, выслушивая осторожных праведов, — так, значит, нужно.

Покорность судьбе, с одной стороны, и сознание необходимости сделанного — с другой, страшным образом уживались в душе Матвея, разделяя общественного человека от личности. Общественный человек безропотно делал то, что было нужно, а "только Матвей" думал о своем. Что-то теперь делает Авдотья?... Вытянулась бабенка на работе, а подмоги никакой. Теперь и однообщественники как-то помогать ей будут, если он от себя попал в острог. Ах, нехорошо! Тоже вот и кривой Ильич был на совести у Матвея: подвел он мужика ни за грош. Иногда Матвею начинало казаться, что Авдотья точно умерла, и он припоминал всю свою жизнь. Побил ее

как-то пьяный, потом всегда так грубо обращался с ней, как с домашней скотиной, — нет, хуже, чем со скотиной. В душе Матвея накопились те ласковые и душевные слова, каких он не выговорил бы вслух при Авдотье. Истомилась, поди, сердечная, а он сидит, как птица в клетке.

Суд приговорил Матвея на поселение. Он выслушал приговор совершенно бесстрастно и только ждал, когда его отправят. С дороги Матвей бежал и долго скрывался вместе с другими бродягами, но к весне следующего года был опять на Светлом озере. На этот раз он был осторожнее и далеко обходил пустовавшую избушку кривого Ильича, который за пристанодержательство отсиживал где-то в тюрьме. Матвей скрывался больше на Урале, на даче Чудских заводов, где на сотню верст шубой стоял лес. Только временами он появлялся в Кучках, чтобы повидаться с женой. Авдотья как ни любила мужа, но боялась этих посещений, как огня.

— Матвеюшка, пымают тебя... — жалилась она каждый раз.

— Не пымают... Мы тоже достаточно уче-

НЫ.

— А как попадешь?..

На заморозках Матвея действительно поймали. Его накрыли в его собственной избушке, где он заночевал. За лето он совсем одичал в лесу и смотрел волком, но сопротивления не оказал.

— По весне опять жди... — успел он шепнуть жене. — Теперь мы знаем все ходы и выходы.

А в Кучках было не до Матвея. Дело принимало самый острый характер. Зимой у Милозорова сожгли молотягу и несколько скирдов хлеба. Обещали поджечь и дом в самом имении. На сцену выступало глухое чувство общего отпора. Заговорила упрямая сибирская складка характера. Появившееся на место действия начальство было встречено глухим молчанием. Возникло крупное дело о сопротивлении власти, но кучковцы твердо стояли на своем. Все юридические права мифического помещика оказывались бессильными пред реальной и живой силой. Новый губернатор выехал расследовать дело на месте и долго толковал мужикам, что они не правы и

что их выселят силой. Кучковцы продолжали стоять на своем.

— Родители наши жили здесь, и мы здесь же помрем... — гудела толпа.

Миловзоров струсил и бросил место. Он нажил кругленький капиталчик и уехал отдыхать от понесенных трудов на благословенный юг, где у него было приобретено свое имение и где совсем нет таких упрямых сибирских мужиков. Новый управляющий, хотевший уладить дело миром, не ужился на месте. Кучковцы продолжали стоять на своем. Оказался в бегах и другой ходок, заступивший место Матвея. И его так же тянуло с неудержимой силой к своему месту, и так же безропотно он переносил свою участь.

Авдотья по-прежнему жила в своей развалившейся избышке и с бабьим терпением ждала, когда поднимет на ноги старшего сына. Она сама пахала и боронила, сама косила и кое-как сводила концы с концами. Всякое горе притупляется, и Авдотья покорно вытягивала свою непосильную ношу. Было у нее свое "нужно"... Общественники иногда помогали ей по старой памяти, но она крепилась и

сама не напрашивалась на помощь.

За второй побег Матвей был приговорен к каторге, и о нем не было ни слуху, ни духу около двух лет. Но через два года он появился опять в Кучках. В деревне все было по-старому, и по-старому шла бесконечная тяжба с мифическим помещиком. Сам Шмит умер, и на его место выступили наследники. Имение не приносило доходов, и поэтому не было даже управляющего. Дело с кучковскими мужиками на время замолкло: обе стороны настолько обессилели, что требовалось перемирие. Бродя по лесу, Матвей встретился с братом Маркела, заступившим его место. Вдвоем все-таки было веселее. Они никого не трогали и летом перебивались по покосным избушкам. Односельчане при встречах делали вид, что не узнают их, и давали хлеба, как всем бродяжкам. На покосе Матвей видал и свою жену, которая страдала недалеко от озера.

— Докуда же это будет, Матвей? — спросила она однажды мужа, бессильно опуская руки. — Ведь вся душенька моя изболела... тошнехонько на белый свет глядеть, а ты тут надрываешь меня... ох, спобедная моя головуш-

ка!..

Еще первый раз безответная Авдотья взъелась на судьбу. Матвей молчал, придавленный безвыходностью собственного положения. Кому какое зло он сделал?.. Ропот Авдотьи даже как-то облегчил его... Сколько лет молчала безответная баба, а теперь сказала скорое слово и сейчас же раскаялась в нем. Чем Матвей-то виноват, что так все вышло?

— Будет правда, Авдотья, погоди... — бормотал Матвей, схваченный за сердце словами жены. — Не мы одни с тобой на свете живем. Говорю тебе: погоди... Выйдет земля хоть детям.

Свои места, к которым так неудержимо тяготела душа Матвея, казались ему теперь постылыми. Сколько он перенес из-за них, а что толку?.. Лежит Матвей в лесу у ключика и думает. Около курятся в ямке бродяжнический огонек, где-то насвистывает птичка... Тошно Матвею, словно он умирает. Сколько места исхожено, сколько горя перенесено, а легче все нет. Ушел бы он туда, куда ворон костей не заносит, да только не уйти ему от своего Светлого озера — прирос он к нему всей ду-

шой. Много земли кругом пустоует, исходил ее Матвей и все думает, все думает... Сколько народу тут жило бы, если бы все шло по-божески, по правде! Иногда ему начинало казаться, что он сходит с ума или видит все во сне. Опять его поймают, опять будут судить и опять в каторгу — теперь уж без срока. А может, и так господь пронесет: мало ли по лесам да разным трупам народу скрывается.

Однако Матвею недолго пришлось гулять на своей вольной воле. Наступали первые заморозки. Он жестоко простудился и долго пролежал в лесу без всякой помощи, как лежит раненый зверь. Поправившись, он побрел прямо в Кучки.

— Предоставьте меня по начальству... — просил он, как милости. — Больше мочи моей не стало.

Его опять судили. Когда подсудимому предоставлено было последнее слово, он, едва держась на ногах, проговорил:

— Господа присяжные, за что?..

Авдотья сидела в публике и тихо плакала.

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые опубликован в журнале "Наблюдатель", 1889, № 1. Включен автором в состав "Сибирских рассказов" в 1905 году. Печатается по тексту: "Сибирские рассказы", т. III, М., 1905. Рукописная копия очерка, снятая братом писателя Н. Н. Маминым, хранится в ЦГАЛИ в Москве.

В литературе о Мамине-Сибиряке указывалось, что очерк "Говорок" по своим идейным и художественным мотивам близок известному рассказу Г. И. Успенского "Книжка чеков", где также говорится о деревне, переселяемой по произволу помещика и властей, и о безуспешных попытках крестьянских ходяков добиться отмены изуверского решения. Деталь очерка, касающаяся сдачи в аренду купцу Светлого озера, в котором издавна рыбачили крестьяне, перекликается с очерком Н. И. Наумова "Святое озеро".

Стр. 339. Курья — заводь, речной залив.

Стр. 345. Кортомить — арендовать.

Стр. 347. "Течение земской давности" —

имеется в виду закон, по которому после десяти лет владения имуществом право собственности на него не могло оспариваться.

Стр. 350. Мурья — лачуга, конура, землянка.

Соймы — луга, снятые в аренду.

Стр. 352. Ерѣхта — задира, придира.

1889

Примечания

Лопать — одѣжа. (Прим. Д. И. Мамина-Сибиряка.)

[^^^]